

афоризма: «Не буди гърдь, да не поне похвалиться грѣбъ». В «Истории» мы неоднократно отмечаем сознательно или случайно использованные переводчиком звуковые повторы. Приведем еще: «И повелѣ Тит бити стѣны на три мѣста. И внѣзапу обѣста гром град, вопиющимъ внутреннимъ болѣ силы» (книга V, глава VI, часть 4, стр. 375). Если мы неоднократно подчеркивали стилистическое мастерство у переводчика «Истории», то подобного же отзыва были достойны и составители «Изборника» 1076 г. Наблюдения над его языком и стилем, как указывал И. У. Будовниц, «изобличают в авторе . . . мастера русской речи, а не просто переводчика с греческого».¹⁶¹

Мастерство древнерусских переводчиков, которое особенно ярко проявилось в переводах XI—XII вв., продолжало сохраняться и в последующие столетия. В качестве образца высокого искусства мы имеем право рассматривать, например, перевод «Рыдания» Иоанна Евгеника, византийского писателя, современника взятия Константинополя турками в 1453 г., оплакавшего это горестное событие в своем проникновенном произведении. Русский перевод «Рыдания» почти современен написанию оригинала, а следы старших его списков восходят к 1468 г. В этом тоже заключается немаловажный интерес для исследования.

«Рыдание», по всей вероятности, было переведено на Афоне, тогдашнем международном центре православного монашества, и переводчик, по видимому, был монах. Во всяком случае в его труде проявляется явная тенденция к стиранию элементов языческой античности, весьма заметной в оригинале, и, наоборот, распространение церковнобиблейских упоминаний. Так, из перевода исчезло то место, где автор сравнивает бедствия, перенесенные жителями Константинополя во время его осады турками, с бедствиями древней Трои. Выпала из перевода реминисценция из «Метаморфоз» Овидия, которой заканчивал свое произведение автор. Выражение «жилище муз» (ἐστία χαρίτων) превратилось у переводчика в «дом благодетелей». Зато лаконичное в греческом оригинале ἀχάδιστον ὄρνον заменено пространным «иже акафиста благодарственную пѣснь». Цитаты из ветхозаветных и новозаветных текстов, которые в оригинале приводятся не всегда точно и неполностью, в переводе обычно уточнены и дополнены. Все это обличает в переводчике ревнителя церковноправославных воззрений. Однако мы не можем при этом не заметить его незаурядного мастерства. Сложный и затрудненный синтаксический строй подлинника, перегруженность его редкими и устарелыми глагольными формами вызвали немало препятствий, которые переводчик обычно с успехом преодолевал. Так, например, несовпадение грамматического рода у существительных ἡ πόλις и «град» должно было бы, казалось, разрушить в переводе вытекающую из этой грамматической особенности образность. Если в греческом слова πόλις, μεγαλόπολῖς женского рода, то в славянском «градъ, великий царствующий градъ» — мужского рода. Поэтому выражение οὐκ ἔτι βασιλῖς (уже нет более царицы-столицы) передано в переводе с заменой существительного глагольной формой: «не ктому царствуемъ». Словам καὶ πότε παρακληθήσῃ βασιλῖς μεγαλόπολις соответствует в переводе: «И когда утѣшишься царьскыи великыи граде?». При этом устраняется смысловой параллелизм сопоставления плачущей столицы с рыдающей о своих детях Рахилью. Там, где речь идет о порабощении города мусульманами, в греческом тексте сказано, что царица городов βασιλῖς τῶν πόλεων стала «рабой» (δοῦλη) внукам рабыни (δουλίδος) Агари. Это место переводчик передал так: «Дивныи царь градомъ рабъ нынѣ уже и внуком рабыни Агари».

¹⁶¹ ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 51.